

дов и до конца своих дней пребывал в их владениях. Очевидно, правители Себасти́йского княжества имели достаточный вес при Византийском дворе и умели в известной мере отстоять национальную самостоятельность армян.

Надо думать, что по своим идеологическим устремлениям, в частности в области искусства, они так же, как и окружавшая их армянская знать, тяготели, хотя и с некоторым отставанием во времени, к тем нормам, которые определяли в значительной степени характер искусства в только что прекратившем (1045 г.) свое существование Багратидском царстве.

По-видимому, в скрипториях Себа́стии — столице княжества, где с 1053—1054 г. находился и католикос Петрос I, ярко выраженный эллинофил (думаем, не только по своей политической ориентации), — могла иметь место тенденция воскрешать с большим или меньшим успехом античную традицию на основе тех образцов, которые составляли культурное наследие страны.

Более детальный анализ этого вопроса не входит в задачи данной статьи. Здесь мы стремимся лишь обосновать возможность появления в армянской миниатюре XI в. интересующего нас эллинистического, хотя и древнего по своему происхождению, образа богини-матери, сохраняющего в христианском сюжете свое первоначальное осмысление. Действительно, в сцене «Входа в Иерусалим» богиня представлена в паре с умирающим и воскресающим богом — Христом, прообразом которого были возлюбленные богинь плодородия — Аттис и Адонис. Их закономерно подменил Христос, въезжающий в Иерусалим, где он должен претерпеть страдания, быть распятым, умереть и воскреснуть — для того, чтобы вместе с ним могла обновиться и природа. В этой связи логично было изобразить рядом с Христом богиню-мать, являющуюся духом дерева и растительности, соединение с которой обеспечивало (в соответствии с языческими представлениями) плодородие земле. Возможно, что вся эта концепция не осознавалась уже так четко в XI в., но тем не менее допускалась. Подчинением иконографическим нормам своего времени, указывающим на искажение первоначального смысла, является изображение в евангелиях 1041 и 1045 гг. собирающейся по стволу дерева второй женщины, заменившей обычного для этой сцены мальчика.

На этом можно было бы и закончить изучение заинтересовавшего нас образа богини-матери, если б не было весьма заманчивым проследить длительное переживание в Армении связанных с нею представлений, несомненно, зародившихся в народной среде еще в глубокой древности. Несмотря на ожесточенную борьбу христианской церкви с язычеством, образ богини-матери, чаще всего сливаясь с образом богоматери, продолжает жить в сознании армянского народа вплоть до XX в. и самостоятельно.

Так, сведения о приносящей дождь Нури́н, прямое отношение которой к плодородию несомненно, в различных вариантах были записаны в Армении на протяжении XIX—XX вв. По-видимому, в стране, где урожай был поставлен в прямую зависимость от наличия воды, эта сторона божества растительности акцентировалась сильнее. Напомним, что и Анаит считалась покровительницей вод. Вместе с тем не может быть никакого сомнения в том, что и здесь перед нами пережиточно сохранившееся представление о богине плодородия, связанной также и с деревом.

Характерно, что чучело Нури́н изготовлялось, например, в Ахалкалаки из укрепленной на деревянном шесте метлы. Чучело одевали в жен-